

Ивыгина Алена Александровна, Галиева Эндже Юзумовна

**ТОПОНИМЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ОТКРЫТОГО ПРОСТРАНСТВА В
МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ Н. А. ДУРОВОЙ "ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ"**

Статья посвящена функционально-семантическому анализу топонимов, выявлению их роли в формировании языковой пространственной картины в контексте мемуарной прозы Н. А. Дуровой. В работе подвергаются анализу ключевые топонимы, репрезентирующие открытое пространство художественного текста. Внимание авторов сфокусировано также на выявлении черт тождества и различия в индивидуально-авторском восприятии топонимов Москва и Петербург в дискурсе "Записок кавалерист-девицы".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 82-84. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'3373.211.1

Филологические науки

Статья посвящена функционально-семантическому анализу топонимов, выявлению их роли в формировании языковой пространственной картины в контексте мемуарной прозы Н. А. Дуровой. В работе подвергаются анализу ключевые топонимы, репрезентирующие открытое пространство художественного текста. Внимание авторов сфокусировано также на выявлении черт тождества и различия в индивидуально-авторском восприятии топонимов Москва и Петербург в дискурсе «Записок кавалерист-девицы».

Ключевые слова и фразы: топоним; макротопоним; микротопоним; пространство; открытое пространство; Н. А. Дурова; «Записки кавалерист-девицы».

Ивыгина Алена Александровна, к. филол. н.

Галиева Эндже Юзумовна, к. филол. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

linguistika@mail.ru; enje837@mail.ru

ТОПОНИМЫ КАК ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ОТКРЫТОГО ПРОСТРАНСТВА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ Н. А. ДУРОВОЙ «ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ»[©]

В дискурсе мемуарной прозы Н. А. Дуровой языковой анализ категории «пространства» представляется возможным через рассмотрение лингвистических и экстралингвистических средств, позволяющих выявить особенности ее восприятия писателем. В этом смысле существенным становится изучение компонентов, формирующих индивидуально-авторскую пространственную картину мира.

Особо пристального внимания заслуживают номинативы со значением пространства, рассмотрение которых, как показывают исследования, становится возможным в мемуарах на основе оппозиционной модели «открытое / замкнутое пространство», позволяющей выявить и проанализировать с точки зрения языка ключевые номинативы, репрезентирующие категорию «пространства» в тексте [2]. Важнейшим структурным элементом создания языковой пространственной модели «Записок кавалерист-девицы» (далее – «Записки», прим. авторов статьи – А. И., Э. Г.) являются топонимы. Выявление роли топонимов в создании пространственной картины «Записок» становится значимым, поскольку в каждом имени собственном скрыт авторский взгляд на описываемые события.

Цель настоящей статьи – рассмотрение топонимов как структурно значимых языковых единиц, формирующих пространственность в тексте.

Топонимы как структурные элементы создания *пространства* в «Записках» играют важную роль в формировании как реального географического, так и реального исторического пространства текста. В мемуарах они наделены особой художественной значимостью, поскольку отображают индивидуально-авторское восприятие событий, описываемых в мемуарах.

Топонимы, описываемые в первой части «Записок», посвященной повествованию о детстве главной героини (глава «Детские лета мои») служат только фоном для изображения основных жизненных событий героев мемуаров: «В первом селе они обвенчались и поехали прямо в Киев...» [1, с. 26]; «При таком-то расположении ума и воли моей <...> отвезла меня мать моя в Малороссию» [Там же, с. 35].

Функциональная значимость топонимов в этой части повествования, таким образом, предельно ясна: конкретизировать место происходящих событий с фактографической и хронологической точностью.

Но, начиная со второй главы мемуаров «Война 1812 года», функциональная значимость топонимов существенно трансформируется. Это изменение обусловлено биографическими фактами из жизни писателя. Как показывают лингвистические исследования последних лет, «... когнитивный подход ввел в сферу лингвистического анализа экстралингвистику, позволил привлечь к семантическим исследованиям знания о действительности, а также историко-культурные сведения, входящие в современную художественную картину мира» [4, с. 25]. В этой связи определение роли и функций топонимов далее становится возможным только при совокупном анализе как лингвистических, так и экстралингвистических средств, находящихся реализации в произведении.

Дух свободолюбия, пронизывающий героиню-автора подталкивает ее совершить побег из родного дома и вступить в казачий воинский отряд. С этого момента героиня становится воином, защитником Отечества и осуществляет свою заветную мечту – обретает волю и меняет предначертанную ей социумом судьбу женщины-матери, женщины-хозяйки на судьбу защитника Родины. Вместе с этим кардинальным событием в судьбе главной героини меняется и общий тон повествования: оно теперь не замыкается, как раньше, на описании событий, происходящих в замкнутом пространстве *дома*, а расширяется до открытого пространства *города, страны, мира*. И теперь топонимы не столько являются фоном для повествования, сколько становятся пунктом военных сражений в России и Европе: «Гейзельберг. Французы тут дрались с остервенением» [1, с. 66]; «Фридланд. В этом жестоком и неудачном сражении храброго полка нашего легло более половины» [Там же, с. 73].

Восприятие *России* автором-героиней меняется после ее вступления в ряды русской армии, и описание страны занимает практически все повествование «Записок». Теперь понятия «Россия» и «народ» становятся неотделимы друг от друга, не мыслятся по отдельности. На языковом уровне это можно проследить использованием автором изобразительно-выразительных средств, в частности, тропа «синекдоха», основанного на переносе с «целого на часть»: «*Беспокойный дух Наполеона и нетвердость короны на голове его обеспечивают меня в этой возможности. Еще заставит он Россию поднять грозное оружие свое, но скоро ли это будет?»* [Там же, с. 160]; «*Французы – неприятель, достойный нас, благородный и мужественный, но злой рок в виде Наполеона ведет их в Россию; в ней положат они головы свои, в ней рассыплются кости их и истлеют тела*» [Там же, с. 161].

С этой части повествования мемуары строятся как путевой дневник, что подразумевает и детальное описание местности или хотя бы упоминание о каждом населенном пункте, через который проходят ряды русской армии.

Таким образом, вместе с тем как героиня мемуаров становится частью общей судьбы России, бытовое повествование, преобладающее в первой главе мемуаров, сменяется историческим, и отправной точкой в нем становится особое использование географических топонимов, позволяющих указать на точное место описываемых в произведении военных событий.

Топонимы, вводимые в текст, участвуют в создании реального географического пространства России и Европы начала XIX века, в то же время расширяют и художественное пространство мемуаров. Отправной точкой и основным местом действия в тексте становится *Россия*, второстепенными – *Малороссия (Украина), Белоруссия, Польша, Пруссия (Германия), Франция*. В соответствии с этим, пространственную географию в «Записках» условно можно разделить на две группы: пространство внутри *России*, эксплицирующееся топонимами *Москва, Петербург, Казань, Пермь, Кавказ* и др. и запредельное пространство относительно России, репрезентирующееся макротопонимом *Малороссия* и его микротопонимами *Киев, Херсон, Гродно, Черкасск, Дружкополь, Любара*, макротопонимом *Белоруссия* и его микротопонимом *Полоцк*, макротопонимами *Франция* и *Литва*.

Топонимы, эксплицирующие пространство внутри *России*, противопоставлены топонимам, репрезентирующим запредельное пространство относительно *России*, поэтому их лингвистический анализ представляется возможным на основе антинимии *свой / чужой*.

Исключением из этой оппозиции являются только макротопонимы *Малороссия* и *Белоруссия*, которые не противопоставлены *России*, поскольку *Малороссия* (Украина) является родиной матери писателя и местом, где Надежда Дурова провела часть детства и юности. В оппозиции по отношению к макротопониму *Россия* находятся страны, нарушающие ее мирное существование.

Малороссия играет особо значимую роль в жизни главной героини мемуаров, поскольку она ассоциируется у нее в детские и юношеские годы со *свободой, волей*, которых ей так не доставало в замкнутом пространстве отчего дома под гнетом матери: «*Под ясным небом Малороссии я приметно поздоровела, хотя в то же время загорела, почернела и подурнела еще более*» [Там же, с. 35], «*Сколько я ни думала и сколько ни сожалела о необходимости оставить Малороссию, о стеснении свободы, меня ожидающем, о неприятном размене прекрасного климата на холодный и суровый, но должна была повиноваться!*» [Там же, с. 38].

Таким образом, топонимы формируют в исследуемом тексте реальное географическое пространство мемуарной прозы Н. Дуровой. Ключевым в этом широком топонимическом ряду становится макротопоним *Россия*, а его маркерами – *Москва* и *Петербург* [2].

Москва и *Петербург* в «Записках» находятся в тождественных и оппозиционных отношениях по отношению друг к другу. В индивидуально-авторском проявлении тождественность этих городов заключается в том, что они являются двумя российскими столицами. На уровне синтагматических отношений между языковыми единицами это выражается наличием притяжательных местоимений *наша, наши* при рассматриваемых номинативах: «*Через несколько времени древняя столица наша запылала во многих местах!*» [1, с. 178], «*Вот наша светлая, чистая, великолепная столица! Памятник непобедимого мужества, великого духа и геройской решимости бессмертного Петра!*» [Там же, с. 89].

Автор четко определяет роль *Москвы* и *Петербурга* в общей судьбе *России*, и поэтому в его отношении к ним есть существенная разница, что можно проследить и в особом использовании лексических средств при создании их образов. *Москва* в дискурсе «Записок» становится традиционным символом Родины. Средством создания этого образа служат метафоры: «*Ненатурально, чтоб допустить неприятеля к сердцу России и отдав ему древнюю столицу нашу, могли они сохранять спокойствие духа...*» [Там же, с. 185.], перифразы: «*Через несколько времени древняя столица наша запылала во многих местах!*» [Там же, с. 178]; эпитеты: «*Зачем они жгут наш прекрасный город...*» [Там же]; персонификация: «*Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: лучше бы всем лечь мертвыми, чем отдавать Москву!*» [Там же].

Авторское отношение к *Петербургу* выражено следующей ключевой фразой: «*Вот наша светлая, чистая, великолепная столица! Памятник непобедимого мужества, великого духа и геройской решимости бессмертного Петра!*» [Там же, с. 89]. *Петербург* в мемуарах представлен в роли символа могущества и силы *России*, ассоциируясь у героини мемуаров с его создателем Петром I: «*...всякий день хожу смотреть на монумент Петра Великого. Как достойно дано ему это название! Петр был великим, в каком бы состоянии ни рождался! Величественная наружность его вполне отвечает обширному гению, некогда управлявшему его великою душою!*» [Там же]. Но он же для автора и символ роскоши, богатства, красоты и развлечений, он европеизирован по сравнению с древней *Москвой*: «*Сегодня новое покушение удивить меня, занять, развеселить,*

и опять неудачное, и все это от странных средств. Вздумали показывать мне китайские тени; но так как я не дикая крестьянка, то после первой картинки перестала смотреть на эти штуки» [Там же, с. 92].

Следовательно, две столицы российского государства по-разному воспринимаются героиней-рассказчиком, что находит отражение и на уровне лексической структуры текста. Отношение к *Москве* однозначное, она – оплот России. Восприятие Петербурга автором-героиней неоднозначно. Он, с одной стороны, символ могущества и силы Петра I, а с другой стороны, город соблазнов, искушения.

В этой связи стоит обратить внимание и на название глав, в которых автор уделяет внимание описанию российских городов – *Москве* и *Петербургу*. Глава, повествующая о *Петербурге*, носит название «Первый мой приезд в столицу», в свою очередь глава, посвященная *Москве*, – «Война 1812 года». Естественно, это во многом определяется военной обстановкой в России начала XIX века, но стоит обратить внимание на то, что лексему *Россия* сопровождает в тексте наименование «родная земля», а *Москву* – «сердце России». *Москва* часто замещает в «Записках» лексему *Россия*: отдача врагу *Москвы* ассоциируется у русских солдат с гибелью *России*: «...иногда вырываются у них слова: лучше уж бы всем лечь мертвыми, чем отдавать *Москву!*» [Там же, с. 178]. Однако сам автор-рассказчик считает, что только добровольная сдача *Москвы* способна спасти всю *Россию*: «– Могу вас уверить, ваше превосходительство, что не взята, но отдана добровольно, и это последний триумф неприятеля нашего в земле Русской: теперь гибель его неизбежна!» [Там же, с. 185]. Это высказывание наталкивает на ключевую авторскую мысль о том, что *Россия* остается великой державой до тех пор, пока *Москва* является ее столицей.

В главах «Записки» и «Война 1812 года» географическое пространство сменяется: от описания происходящей действительности в мирное для России время автор переходит к описанию военного времени. И здесь впервые прослеживается следующая яркая антиномия: «пространство внутри России / пространство за пределами России».

В оппозиции по отношению к России находятся города-захватчики, в которых происходят важнейшие военные события. Государства, которые выступают против самодержавной России, можно поставить в оппозицию на основе соотношения: «свое / чужое». «Свое» для писателя – это Россия, а «чужое» – это государства, враждебно настроенные по отношению к России: *Литва*, *Польша*, *Германия* с городами *Гутштадт*, *Гейзельберг*, *Фридланд*, *Тильзит*.

Таким образом, географические наименования в совокупности с другими приемами создания образа пространства в мемуарах несут определенную функциональную нагрузку в мемуарах. Они служат, во-первых, для воссоздания исторической эпохи, во-вторых, для описания географического пространства текста, в-третьих, для расширения пространства самого произведения, физического пространства автора-героини и описания пути ее перемещения вместе с русской армией по России и Европе. В частности, каждый топоним важен как для создания региональной индивидуальности, так и для создания единого образа России начала XIX века.

Список литературы

1. Дурова Н. А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / сост., вступ. ст. и примеч. Вл. Муравьева. М.: Моск. рабочий, 1983. 479 с.
2. Ивыгина А. А. Категория пространства и способы ее образной экспликации в текстовом поле Н. А. Дуровой (на материале мемуаров «Записки кавалерист-девицы»): автореф. дисс. ... к. филол. н. Елабуга: Филиал ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2012. 23 с.
3. Ивыгина А. А. Топонимы *Москва* и *Петербург* как ключевые маркеры категории пространства в мемуарной прозе Н. А. Дуровой «Записки кавалерист-девицы» [Электронный ресурс]. URL: <http://online.rae.ru/931> (дата обращения: 16.05.2014).
4. Салимова Д. А., Данилова Ю. Ю. Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования. М.: Изд-во Флинта, 2009. 200 с.

TOPONYMS AS LINGUISTIC REPRESENTANTS OF OPEN SPACE IN N. A. DUROVA'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE "THE CAVALRY MAIDEN: JOURNALS OF A RUSSIAN OFFICER IN THE NAPOLEONIC WARS"

Ivygina Alena Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Galieva Endzhe Yuzumovna, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
linguistika@mail.ru; enje837@mail.ru

The article is devoted to the functional-semantic analysis of toponyms, the detection of their role in the formation of linguistic spatial picture in the context of N. A. Durova's autobiographical prose. In the work the key toponyms which represent open space of a literary text are analyzed. The authors also focus on the revelation of the features of similarity and difference in the individual author's perception of the toponyms Moscow and St. Petersburg in the discourse of "The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars".

Key words and phrases: toponym; macro-toponym; micro-toponym; space; open space; N. A. Durova; "The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars".